

ДИСКУРС КАК ПОНЯТИЕ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Стаття присвячена дослідженню філософсько-методологічного потенціалу й обмежень поняття дискурсу. Стисло проаналізовано еволюцію поняття дискурсу від лінгвістичного до філософського. Доведено, що методологічно філософське поняття дискурсу обмежується позицією соціального конструкціонізму.

Ключові слова: дискурс, філософія, методологія, соціальний конструкціонізм.

This article is devoted to investigation of philosophic-methodological potential and limits of discourse notion. There is brief analysis of discourse notion's evolution from status of linguistic term to philosophical one. It is proved that methodologically discourse as philosophical term is limited by the position of social constructionism.

Keywords: discourse, philosophy, methodology, social constructionism.

В последнее десятилетие малоизвестное ранее понятие «дискурс» взлетело на вершину «интеллектуальной моды» – не только в социогуманитарном знании, но и в гораздо более широком контексте, от философского и политического языка до разного уровня масс-медийности²⁶. Здесь, однако, кроется ряд проблем методологического плана, поскольку, как справедливо указывает Г. Слышкин, «приобретение термином статуса „модного” всегда вызывает некоторую расплывчатость его понимания и беспорядочность употребления, т. к. „модный” термин часто выполняет в научной работе не столько информативную, сколько парольную функцию» [9, с. 38]. Поэтому целью этой статьи является анализ и классификация дефиниций дискурса в методологическом контексте. Иначе говоря, вопрос ставится так: каков методологический потенциал понятия дискурс в теоретическом и практическом философском знании? И наоборот – каковы его ограничения в указанном контексте?

Тема многообразия вариантов определения дискурса уже освещается в ряде исследований, в том числе украинских авторов (Т. Воропай, А. Ермоленко, А. Кузнецов, В. Черниенко, Н. Чечель и др.). Долгое время дискурс считался одним из базовых понятий в языкознании (фр., англ. discourse – «беседа, разговор»), которое в наиболее общем виде означает фрагмент устного или письменного языка, наделенный значением, отражающий социальную, эпистемологическую и риторическую практику определенной группы [4, с. 126]. Другими словами, в контексте языкознания дискурс рассматривается как «сложное единство языковой формы, знания и действия» [3, с. 121]. Классическими здесь считаются работы Т. ван Дейка [3] и П. Серию [8],

---

²⁶ Примером может служить социогуманитарный новостной блог НАУКМА <http://discourse.com.ua/>, девиз которого – «Все в дискурсе».

помещающими дискурс в контекст «анализа дискурса» или «когнитивно-дискурсивного анализа» – фактически междисциплинарного знания, граничащего с лингвистикой, социологией, психологией, этнографией, семиотикой, философией и др.

О том, что и сегодня филологический контекст использования понятия «дискурс» является преобладающим в украинской гуманитаристике, свидетельствует такой факт: по данным Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского, понятие дискурса входит в заголовок 53 защищенных украинских диссертаций по филологии, и лишь 7 – по философии²⁷. С другой стороны, проблема разграничения дисциплинарных контекстов (филологический / философский) в отношении понятия «дискурс» чрезвычайно сложна: даже беглый взгляд на тексты большинства исследований по проблематике дискурса обнаруживает нерелефлексированное (дисциплинарно) соседство ссылок на М. Фуко и Т. ван Дейка, Ю. Хабермаса и Н. Файрклоу – то есть как философов, так и филологов.

Следует сказать, что современные философские теории предложили и продолжают предлагать новые интерпретации понятия дискурс, постепенно превращая его из филологического термина в философский. И хотя некоторые исследователи доказывают укорененность понятия «дискурс» в концепциях Платона и Аристотеля и находят термин «дискурсивность» в «Сумме теологии» Фомы Аквинского [5], строго говоря, дискурс как философская категория актуализируется в европейской философии только во второй половине XX века.

Бесспорно, роль первопроходца в процессе «офилософывания» дискурса принадлежит М. Фуко: философ постоянно акцентирует недооцененную сложность данного понятия, сопротивляющегося процессу четкого определения. Более того, как отмечает Д. Джолиф, почти все постфукианские теоретики дискурса также идут по пути усложнения филологической концепции дискурса как фрагмента языка [4, с. 126].

Но даже в дисциплинарных рамках философии дискурс понимается и интерпретируется по-разному – следовательно, различным представляется и его значение (потенциал) для теоретической и практической философии.

Так, например, М. Фуко пишет: «Дискурс – это тонкая, контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт... Анализируя дискурсы, мы видим, как разжимаются жёсткие сочленения слов и вещей и высвобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику» [11, с. 78]. Здесь дискурс – это не фрагмент языка, но отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, поэтому не только отражающий мир, но и проектирующий, сотворяющий его.

Приведенное определение содержит указание на два родственные значения понятия дискурс: 1) язык, отражающий практику специфической группы; 2) способность конституировать эту же практику. Опираясь на работы М. Фуко,

²⁷ http://www.nbuv.gov.ua/db/library_db.html

Н. Фейрклоу объясняет связь между этими смыслами следующим образом: «Дискурс – это практика не только репрезентации мира, но и означивания мира, заключения и конституирования мира в значении» [13, с. 64].

Теория дискурса М. Фуко считается частью его «археологии знания»: философа интересуют те правила («режимы» знания), следуя которым определенные высказывания считаются истинными и значимыми в различном историческом контексте. При этом исходными посылками философа являются социально-конструкционистские представления о том, что знание, истина – это не столько отражение действительности, сколько результат, предзаданный «режимами» знания и структурами дискурса. Таким образом, М. Фуко постулирует неразрывную связь понятий «дискурс», «знание» и «власть» (или «знание-власть»).

Родственную теоретическую проблему являет собой вопрос о связи дискурса и институций: именно здесь, как представляется, укоренен основной эвристический и прагматический потенциал концепции дискурса. Так, М. Пешо считает дискурсы материальной формой установленных идеологий: существующие дискурсы являют собой места, где субъекты говорения (устного, письменного) обсуждают возможности своих институций против других, устанавливая внутриинституциональные иерархии, регулируя не только объекты (выбирая из них истинные и ценные для данной институции), но и доступ других людей к производству текстов от лица этой институции [15].

Другой исследователь указанной проблемы, В. Карасик, предлагает (применительно к современному социуму) выделить различные типы так называемого институционального дискурса [7] (здесь очевидны коннотации с идеей Р. Барта рассматривать власть как объективированную и институциализированную в определенных социальных структурах и язык как либо соратник, либо оппонент власти [1]). Такая постановка проблемы видится чрезвычайно плодотворной: сама идея институциональных дискурсов имманентно содержит бинаризм «центральное / маргинальное», где центральным выступает легитимное, «узаконенное» содержание дискурса, обусловленное целью определенной деятельности и ролевыми характеристиками ее субъектов. В случае, например, образования институциональным является все, что связано с задачами образования – обучением и воспитанием – и структурно-функциональной спецификой коммуникации между ролевыми позициями «ученик» и «учитель». Представляется очевидным, что каждому хронотопу образовательного пространства соответствует свой тип институционального дискурса.

Соответственно, неинституциональные дискурсы – это так называемые «маргинальные дискурсы». Здесь, видимо, речь даже не о дискурсе как таковом, а скорее о «преддискурсивном»: как говорит М. Фуко, «дискурс и его систематическое устройство – всего лишь предельное состояние, окончательный результат длительной и изошрённой разработки, в которой участвуют язык и мысль, эмпирический опыт и категории, пережитое и идеальная необходимость, стечение обстоятельств и игра формальных требований. За видимым фасадом системы угадывается заманчивая неизвестность беспорядка, а под тонкой плёнкой дискурса – вся масса отчасти

молчаливого становления: „досистематическое”, не являющееся систематическим порядком, „преддискурсивное”, возникающее из существенного безмолвия» [11, с. 121].

Идея маргинальных дискурсов уже используется и развивается сегодня в работах ряда украинских исследователей (например, Л. Кемалова, А. Кузнецов, И. Митрофанова-Гордиенко, А. Свящук и др.). В то же время следует отметить разношерстность и методологическую небезупречность такого использования.

Совсем иначе дискурс понимается в контексте герменевтики. Например, И. Инишев видит понятие дискурс «в роли аморфного метафорического комплекса, составляющего общий тематический фон и задающего общие категориальные контуры отдельных исследований» [6, с. 6]. Кроме того, его использование локализует философствование в контексте современной социальной теории и философии, отличительной чертой которых является «ориентация на парадигму опосредованной языком межличностной коммуникации» [6, с. 6] – при этом противоположностью дискурса И. Инишев полагает понятие «чтения» как форму исполнения первичной артикуляции мира и самосознания (Г. Гадамер).

Таким образом, очевидно, что сегодня понятие дискурса используется и развивается целым рядом философских направлений (критическая теория, постструктурализм, постмодернизм, постмарксизм и др.). Что же объединяет столь разные подходы, создавая эвристически благоприятную среду для понятия дискурса? Можно предположить, что в данном контексте главным объединяющим фактором является опора на социальный конструкционизм в понимании действительности.

Согласно определению В. Барр, социальный конструкционизм – это исследовательская позиция, понимающая социальную реальность как созданную, институционализированную и возведенную в традицию людьми (в том числе с помощью речи) [12]. Идеи социального конструкционизма, предложенные первоначально в классической книге П. Бергера и Т. Лукмана (1966) [2], уходят своими корнями в феноменологию и содержательно связаны с философией М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, а также А. Шутца. Затем они получили значительное развитие в работах М. Фуко и других исследователей – не только в теоретическом плане, но и как методологические основания социальных практик. Методология социального конструкционизма считается исходной для различных инвариантов постмодернизма, а также для новых дисциплинарных полей – таких, как Cultural Studies, гендерные исследования и прочие Studies, которым зачастую еще нет аналога в русском словаре.

В доказательство идеи о том, что философское использование понятия «дискурс» ограничено пространством социального конструкционизма, можно привести следующий пример-аргумент. Одни из наиболее значительных авторов в теории дискурса – Э. Лакло и Ш. Муфф – называют себя постмарксистами [14]; при этом в их понимании социальная практика является полностью дискурсивной. Другая пара исследовательниц – Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен – сомневаются в «марксизме» Э. Лакло и Ш. Муфф, полагая при этом, что в историческом материализме «все феномены организованы согласно логике, корни которой в не дискурсивном

пространстве – *материи*; дискурсы же не имеют никакой автономии или внутренней логики» [10, с. 70].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурс как философская категория имеет серьезный теоретический и практический потенциал. На основе теории дискурса могут быть выстроены (и уже выстраиваются) различные социально-критические проекты, например, гендерные исследования. В то же время категория дискурса ограничена методологическим пространством социального конструкционизма: вне его она теряет свой философский потенциал и превращается в термин традиционного языкознания либо модное, но пустое философское понятие.

Литература:

1. Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1989.
2. Бергер П. Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Л. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
3. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – М., 1989.
4. Джоліф Д. Дискурс / Д. Джоліф // Енциклопедія постмодернізму. – К., 2003.
5. Дзьобань О. П. Еволюція значення поняття «дискурсивність» у контексті соціології знання / О. П. Дзьобань, В. О. Чернієнко // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: теорія культури і філософія науки. – № 579-2/2003. – Х., 2003.
6. Инишев И. Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики / И. Н. Инишев. – Вильнюс, 2007.
7. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. – М., 2000.
8. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
9. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. трудов. – Волгоград, 2000.
10. Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсон. – Х., 2008.
11. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – К., 2003.
12. Burr V. An Introduction to Social Constructionism / V. Burr. – London, 1995.
13. Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – London, 1992.
14. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau and C. Mouffe. – London, 1985.
15. Pecheux M. Language, Semantics and Ideology / M. Pecheux. – Basingstoke, 1982.